

Вильям Шекспир

СОНЕТЫ

*В переводе и с предисловием
Анатолия Либермана*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 82/821.111

ББК 84-5

Ш 41

Шекспир В.

Сонеты / Пер. с англ. А. Либермана. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 336 с.

ISBN 978-5-94457-221-9

Настоящее издание включает перевод всех 154-х сонетов Шекспира. История сонетов, личность их адресатов (прекрасного юноши и смуглой дамы) и борьба с поэтами-конкурентами послужили предметом бесчисленных исследований. Но события, вызвавшие к жизни эти стихи, давно утратили свою остроту. Осталась великая поэзия, и всё новые переводчики пытаются воспроизвести ее на своем языке, столь непохожем на английский язык конца XVI — начала XVII в. Неоднократно переводились сонеты и на русский: по частям и целиком, хотя лишь у полного свода, начатого и законченного одним человеком, есть малая надежда приблизиться к гениальному подлиннику. Автор предлагаемых здесь переводов стремился воссоздать нежность, страсть и горечь, наполняющие сонеты, нигде не впадая в сентиментальный тон, губительный для этих стихов. Шероховатости, недомолвки, гиперболы, повторы и далеко не всегда безобидные словесные игры остались; они призваны воспроизвести творческую манеру Шекспира.

Главное в русской версии сонетов — уйти от привычной образности, примелькавшегося словаря и традиционных рифм Золотого века русской поэзии. Немногочисленные подстрочные примечания объясняют темные места. Свой взгляд на сонеты и возможности их передачи на русском языке переводчик изложил во вступительной статье.

УДК 82/821.111

ББК 84-5

*В оформлении переплета использована картина
Микеланджело Меризи да Караваджо
«Юноша с корзиной фруктов» (1593)*

ISBN 978-5-94457-221-9

© А. Либерман, 2015

© Языки славянской культуры, 2015

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Анатолий Либерман. Взгляд на сонеты Шекспира</i>	7
<i>Вильям Шекспир. Сонеты</i>	27
Об авторе переводов	334

*Навстречу 400-й годовщине
со дня смерти Шекспира (1564—1616)*

ВЗГЛЯД НА СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

1. Сонеты в жизни их автора

Сонеты Шекспира — великая поэзия. Иначе их бы не стоило читать, изучать и тем более переводить на другие языки. Но тех, кто исписал о них тысячи страниц, чаще интересовали совсем другие вопросы. Исследователи пытались угадать, кто тот прекрасный юноша и та женщина, которых обессмертил Шекспир. Кстати, героиня последних сонетов (127—152) не была ни леди, ни смуглой (слово *lady* ни разу не встречается в стихах), а для ее цвета Шекспир избрал самое будничное прилагательное — *black* ‘черная’, что дало повод некоторым литературоведам, хорошо запомнившим сюжет «Отелло», заподозрить роман поэта с чернокожей — сюжет для нашего времени в высшей степени соблазнительный. И давным-давно царит смущение, в последние десятилетия сменившееся радостью: Шекспир был гомосексуалистом. Возможных кандидатов — и юноши, и дамы — обнаружили несколько, но установить ничего не смогли. Особенно плохо дело обстоит с дамой; ею и занимались несколько меньше. Самое позднее великое сочинение о прототипе юноши — новелла Оскара Уайльда «Портрет мистера W. H.».

Впервые сонеты были изданы отдельной книгой в 1609 году Томасом Торпом. На титульном листе стоят лишь инициалы, но личность издателя никогда не была тайной. Торп озаглавил книгу (в жалком формате кварто и более чем скромную на вид) «Сонеты Шекспира, никогда ранее не печатавшиеся» и снабдил титульный лист посвящением некоему мистеру W. H., который назван единственным *begetter* стихов. Именно это странное слово, которое я

оставил непереуведенным, и загуило дело. Begetter образовано от глагола *beget* 'быть отцом; порождать'; близко к нему и расширенное значение 'производить'. «Отцом, родителем, производителем» шекспировских сонетов был, разумеется, сам Шекспир, и многие думали, что W. H. — опечатка (должно было быть W. S.: William Shakespeare). Но получается глупо: издатель посвящает (или дарит, что совсем уже невероятно) книгу автору.

Полный текст посвящения таков: «Единственному (?) производителю нижеследующих сонетов, мистеру W. H., обещанное нашим неумирающим [буквально: вечно живым] поэтом полное счастье и вечную жизнь желает, издавая [их], доброжелатель, искатель приключений Т. Т.». Это посвящение туманно не только из-за *begetter*. После каждого слова стоит точка; синтаксис (в переводе я его распрямил) путанный; непонятно, почему именно здесь Торп называет себя искателем приключений (авантюер, сенсаций, скандалов?); *вечно живой* звучит по меньшей мере странно по отношению к здравствующему автору. То, что я перевел как *вечная жизнь*, — это по-английски (в написании того времени) *eternitie*, то есть просто 'вечность'. Текст настолько косноязычен и претенциозен, что сочинить его Шекспир не мог ни при каких обстоятельствах. Несомненно лишь одно: некто, названный мистером W. H., в 1609 году был еще жив.

Восторжествовал взгляд, что W. H. — вдохновитель сонетов, хотя слово *begetter* можно понять в этом смысле только от отчаяния. Шекспир бесчисленное количество раз уверяет своего кумира, что тот будет обессмертен сонетами, но не сделал того единственного шага, который бы принес юноше славу в веках: не назвал его по имени. (Анонимна, разумеется, и дама.) Для подобного умолчания должны были быть веские причины. Когда Шекспир хотел, он имен не скрывал. В трех сонетах второго цикла (134, 135, 143) он обыгрывает свое имя, наслаждаясь дополнительными скабрезными значениями слова *will*; похоже, что второго претендента на любовь дамы тоже звали *Will*. Возможно, существовал и третий *Will*; распутать этот клубок каламбуров не смог никто. Если *begetter* — действительно *William*, остается

только расшифровать вторую букву (Н); погоней за William'ом Н. и занимаются уже несколько веков.

Хочу повторить: новелла Оскара Уайльда — последнее великое сочинение в этом безнадежном жанре. Сочетание Willie Hughes, вычитанное из предполагаемых каламбурных намеков и легшее в основу новеллы, всплыло в критической литературе задолго до Уайльда, и не он придумал для своего персонажа профессию мальчика, игравшего женские роли в шекспировской труппе. Само собой разумеется, что Уайльд, досконально изучивший домыслы своих предшественников, знал, как недостоверна его выдумка. Однако, став не только творцом великолепных парадоксов, но и их рабом, привыкнув всё на свете выворачивать наизнанку, он не мог отказаться от сочиненной интриги. Свидетельство тому — заключительная фраза новеллы. Лорд Альфред Даглас, злой гений Уайльда и в каком-то смысле ставший для него тем, кем был прекрасный юноша для Шекспира (но у Шекспира наваждение прошло, а у Уайльда осталось до конца, хотя в тюрьме он пытался бороться с ним), через много лет после смерти своего великого любовника написал не слишком выдающуюся книгу о сонетах. По его словам, Уайльд постоянно повторял ему, что убежден в правильности своей гипотезы. Утверждениям Дагласа надо верить с большой осторожностью, но в данном случае он, скорее всего, говорил правду.

Willie Hughes в списках актеров, игравших у Шекспира, не обнаружился, но это, как поясняет верный себе Уайльд, лишь доказывает правильность построения: ясно, что актер перешел в труппу соперника (отсюда и стихи об измене)! Чудом обнаруженный в новелле портрет неотразимого юноши — подделка, одно из самоубийств — фарс. Впрочем, другое самоубийство реально; игра, как всегда у Оскара Уайльда, ведется серьезно.

Сонеты писались почти недосягаемому идолу. Хотя знатность адресата в стихах не акцентируется, речь идет о человеке состоятельном, предмете всеобщего поклонения, великом представителе своего времени. Он знаменит и капризен (то приласкает, то отринет, как надоевший хлам); каждый его шаг в центре внима-

ния; его домогаются многие, в том числе поэты, ищущие знатных покровителей (лишь таких и искали) и, судя по всему, превосшедшие Шекспира не только в искусстве панегирика, но и в стихотворном мастерстве (изошренные модернисты). По нему можно судить о добродетелях и пороках поколения. Вечно бредя сквозь человеческий бурьян, он иногда и сам уподобляется сорняку, но эта потеря совершенства кажущаяся. Куда актеру, мифическому Вилли Хьюзу, вчерашнему подростку до этого кумира! Откуда у него мог быть такой жизненный опыт и как он стал магнитом, притягивающим все сердца? Для Шекспира же он сделался почти что языческим божеством.

Уайльд, конечно, заметил противоречия своей реконструкции, но упомянул только одно из них: если Шекспир так любит юношу (я подчеркиваю: мальчики играли женские роли, только пока у них не ломался голос, так что актерские успехи кумира должны были быть в прошлом, хотя и недалеко), то зачем он поначалу упорно советует ему жениться? Тут даже Уайльду не хватило изобретательности, и он придумал совершенно невероятное объяснение: речь якобы идет не о женитьбе, а о слиянии Вилли с шекспировской драмой. Ниже мы увидим, что, загнипнотизированный своей фантазией, Уайльд не заметил главного в первых семнадцати сонетах. Его новелла должна была навсегда отбить у охотников за призраками желание искать мистера W. H., но не отбила. У Вилли Хьюза есть защитники до сих пор.

Личность мистера W. H. неустановима. Может быть, он фантом, опечатка, фигура вроде сына подпоручика Киче, по слухам, похожего на отца. Если же человек с такими инициалами, знакомец Торпа, существовал, то полное счастье и вечная жизнь могли быть обещаны ему, а сонеты адресованы кому-то другому. Как не раз говорилось (и столько же раз опровергалось), для вельможи титул мистер недостаточен; книги же не посвящались никому, кроме вельмож, и напомню, что поэты бились за место только под вельможным солнцем. Героиня женских сонетов и вовсе вне пределов досягаемости. От нее остались лишь бойкие пальцы, целующие клавиши верджиналя (род клавиесина), тяжелая походка,

жесткие волосы, не то смуглый, не то темный цвет кожи, плохой запах изо рта (или пристрастие к чесноку) и почти неестественная тяга к мужчинам по имени Вилл, которых она всех одновременно или по очереди и осчастливила.

Поиски реальных людей, описанных в сонетах, не только бессмысленны, но и совершенно неинтересны. Что изменится, если мы узнаем их имена и найдем их портреты? Столь же безразлична нам половая ориентация Шекспира (в его время, да и много позже, тяга мужчин к мужчинам рассматривалась как привычка, а не как черта личности), но этот вопрос сложнее, и не только потому, что в переводе на русский надо постоянно выбирать между формами мужского и женского рода: *был* или *была*, *прекрасен* или *прекрасна* и т. п. С ним связана история сонетов.

Тот цикл, в котором Шекспир уговаривает неизвестного нам красавца жениться (1—17), сомнений не вызывает. Адресат — молодой мужчина и само совершенство; если он не женится, у него не будет сына, во всем ему подобного, и красота его со временем увянет. То обстоятельство, что может родиться дочь (а вслед за ней еще несколько дочерей) и что сын будет похож не на отца, а на мать, во внимание не принимается; герою нужно оставить в мире «отпечаток», «оттиск» самого себя (11). О взаимности речь не идет, разве что о некоей гармонии (8). Браки в верхних эшелонах общества обычно устраивались договаривающимися сторонами, и любая дочь должна была бы почесть за счастье, если бы ее клин был вспахан таким плугом (3). Что плугу может быть не совсем безразлично, по какому клину пройтись, тоже не входит в число обсуждаемых вопросов. Как следует из другой метафоры, есть сосуд, и его надо наполнить (5—6). Но с № 18 начинается любовная драма, которая заканчивается в № 126.

Никогда, ни в какое время никто не сомневался, что эти сонеты адресованы мужчине. Отсюда и героические усилия доказать обратное: невозможно же в самом деле допустить, что великий драматург, проникший во все тайны человеческой души, написал такие стихи не возлюбленной вроде Лауры, а чуть ли не мальчику. В елизаветинской Англии всё происходило «как у людей»:

мужеложество каралось смертной казнью и несмотря на это процветало и даже не особенно скрывалось. С приходом же на престол Иакова I (1603 г.) мужские романы стали нормой жизни и при дворе. Но, конечно, что позволено королю, не позволено его подданным. Среди прочего, за фразу, что только дураки не испытывают наслаждения от табака и мальчиков, Марло поплатился жизнью. Суды редко принимали к рассмотрению дела по обвинению в мужеложестве, если не был изнасилован малолетний, но осмотрительность не мешала. Дразнить гусей не следовало, как и на триста лет позже, во времена Оскара Уайльда, в чем тот и убедился на собственном горьком опыте.

Те, кто спасал и продолжает спасать нравственность Шекспира, обращают внимание на хорошо разработанный поэтами язык любви, в то время как канонического языка дружбы не существовало. А дружили мужчины издавна и крепко. Армия, союзы, партии, клубы, верность вождю — всё способствовало их духовному сближению. Долгое время в школу, не говоря уже об университетах, ходили только мальчики (юноши), делившие, кроме досугов, мыслей и дел, и ложе. Так, во времена Шекспира в Оксфорде спали по двое в одной постели. Юношеская дружба (вроде Лицейской) воспета многократно и заслуженно. Но одно дело — взявшись за руки, давать клятву на Воробьевых горах, а совсем другое — ночами лежать без сна, мучительно думая, с кем спит твой друг, называть его любимым мальчиком, ревновать, просить прощения за измену и называть себя его рабом. Пушкин любил Дельвига, но не томился по нему. Гомеровский герой был готов умереть за друга, но не стал бы бледнеть и гаснуть в его присутствии, а автор сонетов именно томится, бледнеет и гаснет. Он любит прекрасного юношу и любви своей не скрывает. Это обстоятельство несколько проясняет странные события, связанные с появлением того кварто.

Насколько мы можем судить (хотя по этому вопросу, как и почти ни по какому другому, связанному с биографией Шекспира, нет единого мнения), сонеты сочинялись в последние десятилетия XVI века и в начале XVII. Почти не вызывает сомнения, что